

В.В. АЛЕКСЕЕВ

Триумф и трагедия российской модернизации XX века

О социалистических преобразованиях в СССР написано немало на разных языках мира. Столь же широк и разброс мнений о них. Попробуемся разобраться в этом.

Ленинский план построения социализма в реальности имел специфические оттенки на разных этапах его осуществления. По собственной интерпретации лидеров этих этапов они звучат так:

- ▶ ориентир на поддержку мировой пролетарской революции (1917–1924 гг., Л.Д.Троцкий);
- ▶ курс на победу социализма в одной отдельно взятой стране (1925–1953 гг., И.В.Сталин);
- ▶ коммунизм для нынешнего поколения (1954–1964 гг., Н.С.Хрущев);
- ▶ развитой социализм (1965–1982 гг., Л.И. Брежнев);
- ▶ не знаем общества, в котором живем (1983–1984 гг., Ю.В.Андропов);
- ▶ перестройка: больше социализма, больше демократии (1985–1991 гг., М.С.Горбачев).

В 1990-х гг. «неожиданно» выяснилось, что из шести перспектив оправдалась только одна – пятая. Что же произошло? С нашей точки зрения под социалистическим лозунгом состоялась модернизация страны – переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному, который был прерван либеральными реформами на рубеже XX-XXI вв. Этот процесс цивилизационного масштаба вошел в историю России как триумф и трагедия.

Все началось в октябре 1917 г. Революция, возглавляемая большевиками, преследовала одновременно две противоположные цели с точки зрения цивилизационного подхода к историческому процессу. С одной стороны, она свергала нарождающиеся буржуазные отношения в России и тем самым нарушала естественный ход модернизационного перехода, а с другой стороны, уничтожала феодальные пережитки, которые тормозили этот переход. В первом случае была совершена историческая ошибка, во втором – историческое завоевание. Такой парадокс порождался тем, что большевики приняли побочное противоречие эпохи (классовую борьбу) за основное (переход от традиционного общества к современному)¹.

Вся их стратегия и тактика накануне и в ходе Октябрьской революции, все их надежды и чаяния были связаны с мировой пролетарской революцией, которой предстояло уничтожить капитализм и провозгласить социализм. Без этого они не представляли себе перспективы России со слабым развитием промышленности, малочисленностью рабочего класса, подавляющим большинством крестьянского населения, нерешенностью аграрного вопроса и низким культурным уровнем. Из этого следует, что предпосылок социализма в самой России практически не было, в то время как задача перехода от традиционного аграрного общества к современному индустриальному давно стояла на повестке дня, хотя такими категориями тогда не мыслили.

Между тем, мировая пролетарская революция задерживалась, хотя Л.Д.Троцкий и его сторонники пытались ее подтолкнуть, но время ушло, капитализм остался и продолжал наращивать промышленное производство, разорять крестьянство, превращать его в наемных работников. Ускорился переход от аграрного общества к индустриальному, но отнюдь не к социалистическому. России грозила еще большая отсталость, если не крах перед лицом индустриального Запада. Первая мировая война, революция и гражданская война све-

¹ См.: Алексеев В.В.: *Общественный потенциал истории*. Екатеринбург, 2004. С. 296.

ли практически на нет скромные результаты имперской модернизации. В 1920 г. промышленное производство в стране упало до одной пятой довоенного уровня.

Предстояло преодолеть эту разруху, что осуществлялось в рамках «военного коммунизма», который ориентировался на прямое введение социализма. Его принципы, методы и результаты хорошо известны. Нам остается только оценить их значение для модернизации. Заметим сразу, что они были катастрофичны. «Военный коммунизм» оказался скоропалительной и неудачной формой борьбы с постреволюционными трудностями, которые не позволили перейти к созидательным модернизационным процессам, а осложнили и без того критическое положение России. Грань взаимодействия между революцией и модернизацией обернулись самой худшей стороной.

Провал «военного коммунизма» привел в 1921 г. к Новой экономической политике (Нэпу). До сих пор в научной литературы и среди политиков не утихают споры о его сущности и эффективности использования капиталистических методов в развития экономики. Нас интересует другое – способствовал он модернизации или нет? В определенной степени да, поскольку улучшилось общее экономическое положение страны. Благодаря развития частного предпринимательства, товарно-денежных отношений, рынка накопились некоторые средства для вложения в промышленность, но сама она пока развивалась слабо. Нэп, способствуя росту производительности труда, все-таки не совершил прорыв в этой области, не начали осуществляться крупные научно-инвестиционные проекты. Выяснилось, что он не в состоянии развернуть широкомасштабную модернизацию. В целом Россия в условиях нэпа по-прежнему оставалась традиционным обществом. Шанс капиталистической модернизации не увенчался успехом.

После того как к концу 1920-х гг. Нэп исчерпал себя, партия большевиков объявила «великий перелом», началом которого стал 1929 г. Его суть заключалась в переходе к развернутому строительству социализма, к началу полномасштабной модернизации страны, которая продолжалась практически до конца века. В отличие от ка-

питалистической, советская модернизация шла под знаменем социального равенства, светлого будущего, именуемого социализмом. Революция, социализм и модернизация сливались в единое целое. Советская власть, с одной стороны, пошла дальше царского правительства в заимствовании западных идей модернизации – взяла на вооружение европейские принципы социализма и сделала их основополагающими в жизни России, а, с другой стороны, отвергла порожденный тем же Западом капитализм. В результате она отказалась от наработанного веками опыта капиталистической модернизации и сосредоточилась на неизведанных никем основах социализма.

«Великий перелом» в представлениях той эпохи ориентировался на построение социализма в одной отдельно взятой стране, что рассматривалось как теоретический прорыв в будущее. Фактически же это была переориентация с аграрного на индустриальное развитие государства, т.е. переход от аграрного к индустриальному обществу, что отвечало интересам державы и соответствовало основополагающей тенденции века. Такой подход являлся реалистичным. Время подтвердило его необходимость и результативность. Революция открыла дорогу для решения кардинальной проблемы российской истории, и это было сделано под популярным лозунгом социализма, хотя для его реализации в тогдашней России не было условий. В итоге модернизация двинулась вперед с большим ускорением и достигла финиша, а социализм задержался на старте.

Эта ситуация получила неоднозначные оценки в научных и политических кругах. Из многочисленных точек зрения выделим тройку доминирующих. Одна – советская, исходила из того, что это было начало форсированного строительства социализма в СССР. Другая – в большей степени западная, сводила вопрос к формированию советского тоталитаризма, сталинской диктатуры. Третья оценивала российскую модернизацию с позиций ее неадекватности западному образцу. А что же было на самом деле? Попытка построить социализм действительно имела место, и на этом поприще были успехи, но сегодня известно, что социализм не состоялся. Объяснить все тоталитаризмом и сталинской диктатурой невозможно. Это лишь поли-

тические штампы. Реальность же такова, что те по сути своей революционные решения открыли путь превращения России из страны аграрной в индустриальную державу, то есть позволили развернуть широкомасштабную модернизацию.

Тоталитаризмом нынче нарекают всю российскую историю, особенно советскую, но это понятие нелепо звучит применительно к догоняющей модернизации, поскольку давно известно, что ее главным актором во всех странах является государство (total – всеобщий, общегосударственный). В таком случае из всех догоняющих модернизаций только российская оказалась тоталитарной.

Вопрос о сталинской диктатуре сложен и противоречив. По нему высказано множество научных и политических точек зрения. Не вдаваясь в детали, коснемся его в плане советской модернизации, без чего нельзя понять ее ход и результаты. Беда в том, что к личности И.В.Сталина чаще всего подходят вне исторического контекста, точнее ограничиваясь его деяниями на поприще строительства социализма. Но ведь он в принципе решил за беспрецедентно сжатые сроки задачу многовековой исторической важности – переход России от традиционного аграрного общества к современному индустриальному. А на этом пути и в других странах происходили не менее трагические события, о которых нынче предпочитают не вспоминать. Однако об этом приходится напоминать не для того, чтобы оправдать Сталина, а для того, чтобы объяснить суть происшедшего.

Путь Сталина к власти и способы распоряжения ею объясняются не только чертами его характера, но и менталитетом российского традиционного общества, которое породило и почитало «отца народов», вождя, мессию. На смену царским иллюзиям тогда пришли пролетарские, замешанные на мифе о счастливом будущем – коммунизме. Заслуга Сталина в том, что он один из немногих лидеров большевиков своевременно понял нереальность мировой пролетарской революции и обосновал необходимость в этих условиях крепить могущество своей страны перед лицом внешней опасности. Не прошло и десятка лет, как всем здравомыслящим людям стало ясно, что

большая война на пороге. Тем самым вовремя был дан мощный импульс модернизационному процессу, который при всех его издержках сыграл спасительную роль для России. Альтернативы не было. Вариантов возникало немало, но кто мог гарантировать их успех в той безвыходной ситуации.

Сталин одним махом сокрушил тысячелетнее традиционное общество в России. Это исторический факт, который бессмысленно отрицать даже при самом негативном отношении к его личности. Он открыл путь к современному индустриальному обществу под лозунгом социалистической перспективы. Судить о Сталине надо не с позиции «кодекса чести либерального менеджмента» или санкций Устава КПСС по отношению к проштрафившемуся партийному функционеру, а как о личности цивилизационного масштаба со всеми ее плюсами и минусами, цена которых непомерно велика. «Великие задачи, – утверждал имперский реформатор С.Ю.Витте, – требуют великих жертв».

Рассмотрение позиции других лидеров большевизма не входит в нашу задачу. Коснемся только вопроса о современных попытках приписать некоторым из них, в частности Е.А.Преображенскому и Н.А.Бухарину, авторство либеральной альтернативы сталинской модернизации. Кое-какие фрагменты можно найти, но серьезной альтернативы не существовало, поскольку после Октябрьской революции и гражданской войны в стране не оставалось ее реальных акторов, кроме государства. Более того, для либеральной модели модернизации в то время не существовало ни политических, ни экономических ресурсов.

Государство, партия и их лидеры в советский период были сакрализованы. Советы депутатов трудящихся и партийные организации представляли собой в некотором роде осколки традиционных структур, поскольку руководствовались традиционной соборностью в выработке и принятии решений, урегулировании конфликтных ситуаций, отстаивании своего единства. Большинство руководителей вышло из традиционного общества и несло на себе его печать. Сам факт большевистского фанатизма являлся проявлением традицион-

ности. Многие решения, несмотря на новомодную фразеологию, носили традиционалистский характер, а потому с пониманием воспринимались традиционным менталитетом. Возникла парадоксальная ситуация, когда действия, ведущие к разрушению традиционных ценностей, одобрялись традиционным менталитетом.

Безусловно, что сталинская революционная модель модернизации стала тяжелейшим испытанием для страны, но могла ли она еще сотню лет эволюционировать в сторону индустриального общества, когда ее основные конкуренты уже давно были там? Преодолеть вековую отсталость в короткий срок без революционной ломки институциональных устоев и менталитета архаического общества было невозможно. Революционные меры не могли не вызвать ответную негативную реакцию, которая безжалостно подавлялась. Это и породило почти столетнюю революцию в России. Она то затихала, то вспыхивала с новой силой, хотя и не носила формы открытой вооруженной борьбы. Последний ее всплеск, как ни странно, произошел на рубеже XX – XXI вв., когда страна уже преодолела стадийное отставание и включилась в мировую индустриальную цивилизацию.

Рассмотрим с этих позиций конкретный ход советской модернизации. В связи с невозможностью проследить все ее аспекты остановимся на главном – взаимодействии революции и модернизации в области индустриализации, переустройстве деревни и культуры, что должно было обеспечить превращение страны из аграрной в индустриальную, независимую в технологическом отношении от зарубежных держав. Основой советской модернизации была мобилизационная экономика, которая, в отличие от классической, опиралась не на рыночные механизмы, а на административные директивы, высоко централизованную систему управления, жесткое подчинение экономических задач политическим целям, чрезвычайные меры для достижения этих целей, сочетание благородных идеалов с грубым принуждением, наличие специальных компенсаторов экономического и социального плана, крайнюю идеологизированность проводимых мероприятий. Последнее обстоятельство в советской модернизации играло особую роль, поскольку ускоренный переход от аграрного

общества к индустриальному в условиях социально-экономической отсталости государства требовал мобилизации всех, не только экономических, но и духовных сил общества. Он, в отличие от капиталистической модернизации, проводился под знаменем социального равенства, великого будущего. При этом особое значение имело обобществление производства. Если капиталистическая модернизация в подавляющем большинстве осуществлялась на основе частной собственности, то советская – на базе государственной, что происходило из социалистической доктрины и необходимости централизации скудных ресурсов на наиболее важных участках производства.

Стержнем модернизации стала индустриализация. Курс на нее провозгласил в 1925 г. XIV съезд ВКП (б), который выдвинул директиву «обеспечить за СССР экономическую самостоятельность, оберегающую СССР от превращения его в придаток капиталистического мирового хозяйства, для чего держать курс на индустриализацию страны, развитие средств производства и образования резервов для экономического маневрирования»². Этой директивы советское руководство придерживалось до середины 1980-х гг. Более того, директивное планирование, освещаемое решениями съездов, стало основой социально-политического развития всей России. Конечно, большевики не руководствовались теорией модернизации, ее тогда еще не существовало. Они преследовали цели спасения от капиталистического окружения и реализации своей социалистической доктрины, но это в конечном счете работало на ускоренную модернизацию.

Создание тяжелой промышленности требовало огромных средств, современного сложного оборудования и высококвалифицированных кадров. Ничего этого в стране, разрушенной мировой войной и революцией, не было. Стартовый уровень индустриального развития оказался, как нигде в мире, низким. Октябрьская революция настигла Россию в конце переходного периода от доиндустриального к индустриальному способу производства. Революционной

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 3. М. 1970. С. 247.

власти предстояло преодолеть стадильное отставание от передовых стран мира. Эта трудная задача осложнялась тем, что к началу советской модернизации около половины населения страны было неграмотно. Только с помощью гигантской социальной мобильности удалось преодолеть такое положение.

Для индустриализации потребовались гигантские капитальные вложения. Не имея возможности получить иностранные кредиты, СССР вынужден был проводить ее только за счет внутренних ресурсов, прежде всего перекачивание средств из сельского хозяйства и ограничения непроизводственного потребления. В канун развертывания индустриализации около 50 % национального дохода страны создавалось в сельском хозяйстве. Следовательно, деревня оказалась основой «первоначального накопления» для создания индустрии, гарантированного обеспечения быстрорастущего городского населения и армии продуктами питания. Перекачивание ресурсов от потребления к накоплению иллюстрируется следующими данными. В то время как с 1928 по 1931 гг. национальный доход вырос в 1,5 раза, непроизводственное потребление увеличилось всего на 7 %. Доля реального накопления в национальном доходе выросла за тот же период с 14,7 % до 36 %, а удельный вес непроизводственного потребления упал с 83 до 60 %³. Такое стало возможным только в условиях командной экономики, порожденной революцией.

Индустриализация началась с создания базовых отраслей тяжелой промышленности. С 1929 по середину 1941 г. было построено 9 тыс. крупных промышленных предприятий, которые представляли почти все отрасли индустрии той поры⁴. Это позволило обеспечить экономику необходимой промышленной продукцией и сократить до минимума ее закупки за рубежом. В 1936 г. они составляли менее 1 %⁵. Таким путем страна преодолела стадильное отставание от ин-

³ Вишневецкий А.Г.: Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. 1998. С.57.

⁴ Народное хозяйство СССР за 70 лет. М. 1987. С. 33.

⁵ Судьба реформ и реформаторов в России. М. 1999. С. 279.

дустриальной цивилизации и обрела экономическую независимость. Это было триумфом советской модернизации.

Темпы индустриализации были невиданно высокими. Ежегодный прирост объема промышленного производства в течение 1928–1937 гг. составлял 18,1 %, тогда как в бурно развивающейся Японии всего 8, 9%, в западных державах и того меньше⁶. Правда, в конце 1930-х гг. такие темпы заметно снизились, и, тем не менее, по мнению либерального критика российской модернизации А.Г. Вишневого, «30-е гг. были временем промышленного рывка, который невозможно отрицать и который создал основу для превращения СССР в могучую индустриальную державу»⁷.

В результате первых двух пятилеток (1929–1933 гг.) СССР существенно продвинулся по пути индустриализации. К концу второй пятилетки уровень промышленного производства 1913 г. был перекрыт в 8,2 раза. Если по объему валовой продукции промышленности дореволюционная Россия занимала 5-е место в мире, то СССР к концу второй пятилетки вышел на 1-е место в Европе и второе место в мире. Его удельный вес в промышленности всего мира достиг 13, 7%. В 1937 г. на промышленность приходилось 77,4 % общей стоимости народно-хозяйственной продукции. Накануне первой пятилетки рабочие и служащие составляли 17,6 % населения страны, а в 1939 г. уже 50,2 % . Они становились основой среднего класса России. Индустриализация кардинально изменила соотношение городского и сельского населения. Если в 1926 г. в городах проживало 18 % населения СССР, то к началу 1938 г. горожанами стали 30 %. За 1929–1940-е гг. среднегодовая численности занятых в сельском хозяйстве сократилась на 19,6 млн. чел. (36 %), а в промышленности и строительстве резко выросла. Вышеприведенные цифры советской статистики, возможно, нуждаются в уточнении. Но их порядок убе-

⁶ Вишневский А.Г.: Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. 1998. С. 53.

⁷ Вишневский А.Г.: Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. 1998. С. 56.

дительно доказывает принципиальные изменения в экономической и социальной структуре государства, что свидетельствует о крупных достижениях модернизации России, важных шагах перехода от традиционного аграрного к индустриальному обществу.⁸

В данной связи встает задача хотя бы краткой характеристики аграрного перехода, связанного с коллективизацией, которая привела к принципиальной смене форм собственности и новому раскладу политических сил в стране, уравнивала индустриальный и аграрный сектора экономики, обеспечила города и армию продовольствием, открыла трем четвертям населения страны путь в современность. Вместе с тем, ее проведение сопровождалось многочисленными перегибами, большими страданиями и тысячами невинных жертв. Точных цифр погибших в годы коллективизации нет. Подсчеты зарубежных авторов колеблются между 3 и 13 млн.чел.⁹

Оценка коллективизации содержится в огромном количестве российских и зарубежных публикаций. В нашу задачу не входит обращение к ним. Заметим только, что она была одной из трагических составляющих столетней революции в России. Коллективизация даже в «Кратком курсе истории ВКП (б)» объявлялась революционным переворотом, «равнозначным по своим последствиям революционному перевороту в Октябрь 1917 г.»¹⁰. Она сыграла решающую роль в модернизации страны, но, в конечном счете, погубила русскую деревню. Получив большое количество техники, колхозники не смогли ею по хозяйски распорядиться. Архаические устои деревни и тактика выкачивания из нее ресурсов для индустриализации не привели к прогрессу сельского производства. Там воцарился социальный застой, который не смогли поколебать многочисленные решения партии и правительства по аграрным вопросам.

⁸ См. Алексеев В.В.: Ключевая проблема российской истории XX века // Труды Отделения историко-филологических наук. 2005. М. 2005. С. 289.

⁹ См. Судьбы российского крестьянства. М. 1996. С. 299.

¹⁰ История ВКП (б). Краткий курс. М. 1950. С. 291.

В советской модернизации материально-технический прогресс превращался в самоцель. Человек, условия его существования, социального и культурного развития отодвигались на второй план. Миллионы людей, оторванные от традиционного уклада, представляли собой безликую массу, которая, с одной стороны, грозила непредсказуемостью, а, с другой стороны, легко поддавалась политическому манипулированию, чем и воспользовались большевики, которые призывали к «светлому будущему», ради чего необходимо было поступиться личным благом. В определенной мере это удалось. «Простой советский человек» вынес на своих плечах невзгоды коллективизации и индустриализации, а затем ценой своей жизни защитил их результаты в годы Великой Отечественной войны.

Сталинская модернизация, как и петровская, сопровождалась глубинной культурной революцией. Если первая несла европейскую культуру лишь высшим слоям общества, а простой народ оставался безграмотным, что привело к вековому расколу общества на два противоположных лагеря, то вторая ликвидировала безграмотность, активно способствовала развитию науки и общенародной культуры, но при этом оказалась оторванной от европейских ценностей и излишне идеологизированной. В Советском Союзе существовало свыше сотни определений культурной революции и в несколько раз больше публикаций о ней. Не вдаваясь в детали этого дискурса, попытаемся определить суть культурной революции и ее значение для модернизации.

Перед культурной революцией стояла труднейшая задача переделки человека традиционного крестьянского общества в творца индустриального, которое требовало более развитого интеллекта, повышенной грамотности, хорошей квалификации, высокой социальной мобильности, иного мировосприятия, отношения к труду, собственности, культурным запросам. Запад решал эту задачу несколько сотен лет. Советы располагали всего несколькими десятилетиями. Самым трудным было первое десятилетие «великого перелома», когда началась форсированная индустриализация, и миллионы неграмотных крестьян пришли из деревни в город, трудно к нему

адаптировались, еще труднее привыкали к заводскому ритму. Последующие поколения вчерашних крестьян, пришедших в годы первых пятилеток на заводы, стали со временем высококлассными специалистами, которые ковали оружие Победы, строили космические корабли, осваивали бескрайние просторы Сибири и Дальнего Востока.

Одним из едва ли не самых спорных вопросов советской культурной революции является судьба интеллигенции. «Советская культурная революция, – по утверждению А.Г. Вишневского, – сопровождалась антиинтеллигентским террором, массовым физическим истреблением носителей европеизированной русской культуры, интеллектуальной и художественной элиты, просто широко образованных людей, подавлением свободы индивидуального научного и художественного творчества, нарастанием мертвящего консервативного догматизма»¹¹. Все это было, но нельзя не замечать и другое – выдающийся вклад советской интеллигенции в развитие модернизации, в победу над фашизмом, в противостояние в «холодной войне», в освоение космоса, в художественную культуру XX века. Печально, что из этих исторических свершений нынешнее поколение не черпает опыт и творческое вдохновение, а мирится со лженаукой, массовой культурой и бездуховностью.

Наряду с социально-экономической трансформацией шла политическая, особенно активно в 1917–1936 гг. Коснемся только одного ее наиболее важного вопроса – демократизации, без которой невозможна модернизация. Именно она обеспечила современному человеку возможности выбора своего социального статуса, профессии, образования, места жительства, сексуального партнера, формы досуга и, конечно же, политические свободы, чего не знало традиционное общество.

Наиболее ярко демократическая перспектива была представлена в сталинской конституции 1936 г., которая называлась самой демократической в мире. В самом деле, она впервые в мировой истории

¹¹ Вишневский А.Г.: Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. 1998. С.179.

провозгласила право на труд, а в России – всеобщее, прямое, тайное избирательное право, равноправие граждан независимо от пола, национальности и расы, а также другие демократические ценности, что, в отличие от традиционного общества открыло широкий простор для трудовой и творческой инициативы масс в модернизационном процессе. Советская власть сполна использовала все это, но не прошло и года после принятия конституции как в стране начался «большой террор», который свел на нет демократические посулы. Маховик чудовищных репрессий захлестнул не только классово чуждые элементы, но и широкие трудящиеся массы.

До сих пор ведутся отчаянные споры о количестве погибших и виновниках трагедии. Виноваты вожди, допустившие это в ходе политических междоусобиц; виноваты полуграмотные исполнители преступных приказов; виновато общество, возбужденное революционными потрясениями и накопившее огромный потенциал ненависти. Очевидно, шла борьба не только за социалистические преобразования и их различные толкования, но и за неклассическую скоропалительную советскую модернизацию, которая породила скрытую форму гражданской войны. Это был рецидив столетней российской революции¹².

Подводя итоги советской модернизации 30-х гг., можно констатировать, что тогда был осуществлен революционный поворот от России традиционной, деревенской к современной, индустриальной, городской. Она мобилизовала ресурсы традиционного общества для создания технологических основ современного и тем самым обеспечила «полушку безопасности» от ударов извне, вступила в соревнование с крупнейшими державами индустриальной эпохи. Тогда страна ушла от феодализма и капитализма, но не пришла к социализму.

¹² См.: Алексеев В.В.: Столетняя революция в России // Северная Евразия: взгляд через тысячелетия. Урало-Сибирские чтения, посвященные 275-летию Российской академии наук. Екатеринбург 2000. С. 35–48.

Конечно, постреволюционная модернизация была трагична, достигнута исключительно дорогой ценой, но не завершена. Что касается специфичности, цены, страданий народа и злоупотребления властью при том, то, категорически осуждая все это, приходится признать трагическую российскую закономерность с петровских до ельцинских времен, объясняя ее огромными масштабами страны, неразделенностью власти и собственности, низкой политической культурой народа, перманентной внешней угрозой со стороны соперничающих держав, краткостью времени для решения неотложных задач национальной безопасности, традиционной покорностью населения властям, его феноменальной терпимостью к невзгодам.

Из приведенных фактов вытекает однозначный вывод о том, что страна шла по пути модернизации в русле мирового прогресса, и нет никаких оснований отлучать ее от этого, как делают некоторые политологи в сегодняшней России и за рубежом. Хотя наиболее объективные из них, такие как крупный британский историк Э. Хобсбаум в своей знаменитой трилогии отмечал, что к середине XIX в. стало ясно, какие страны будут относиться к первой группе высокоразвитых государств, а какие ко второй – безнадежно отставших. Он пишет: «И если бы в 1930-х гг. Россия не развила промышленность для того, чтобы перепрыгнуть пропасть между отсталыми и развитыми странами, ей так и пришлось бы оставаться неподвижной, застывшей на полпути между большинством и меньшинством мирового общества. В истории XX в. нет лучшего примера того, как отсталая страна превратилась в передовую»¹³. Это действительно яркий пример триумфа советской модернизации.

Другое дело, что она насаждалась сверху революционной диктатурой, ее темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью нации. Она носила догоняющий и очевидный военно-политический характер, не решала многих задач классической модернизации, таких как создание полноценного рынка товаров, капиталов и труда,

¹³ Хобсбаум Э.: Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону, 1999. С. 251–252.

не обеспечивала свободу личности, являющуюся главным залогом успехов и необратимости процессов модернизации, не создала механизм саморазвития. Критиковать огрехи советской модернизации 1930-х гг. можно и должно, но не стоит забывать о том, что условия того времени по многим позициям не позволяли поступать иначе. Решить за короткий срок все те задачи, на которые западные державы потратили века, в одночасье было невозможно. Разнобой политических и историографических оценок советских преобразований проистекает из их фактической противоречивости, поскольку ставилась задача построения социализма, а на практике совершился в основных чертах переход от традиционного аграрного общества к современному индустриальному.

Нередко рассмотрение советской модернизации завершают концом тридцатых годов. А что было дальше? Думается, что осуществлялся переход к позднеиндустриальной модернизации. При этом решались две группы проблем – внутренние и внешние. Их уровень поднялся на значительно большую высоту. Внутренние проблемы были связаны с ростом масштабов и сложности развития страны в условиях послевоенного мира, начала научно-технической революции и с исполнением народных ожиданий лучшей жизни после индустриализации, коллективизации и кровопролитной войны. Внешние проблемы определялись нарастанием международной напряженности и развязыванием «холодной войны», которая требовала укрепления содружества социалистических государств, поиска новых союзников, создания сверхмощных вооружений. Это был новый вызов Российской цивилизации после Второй мировой войны, имеющий огромное геополитическое значение. К ответам на него можно относиться по-разному, но бесспорно одно – история снова поставила Россию в ответственное положение. По крайней мере пришлось с гигантским напряжением форсировать новый виток модернизации для того, чтобы выполнить свою историческую миссию.

В целом решать столь крупные задачи в пределах жизни одного поколения было также тяжело, как и преодолевать экономическую отсталость в ходе довоенной модернизации, тем более в рамках

прежней мобилизационной модели и уменьшения ресурсов доверия к существующему режиму. Пришлось корректировать соотношение между накоплением и потреблением, между городом и деревней, переходить от трудоемких к трудосберегающим технологиям. При этом, в условиях острого дефицита финансовых ресурсов надо было совместить несовместимое – огромные затраты на оборону и подъем жизненного уровня населения.

Новый этап модернизации носил реформистский характер, но по сути оставался революционным и оказался не менее результативным, чем предшествующий, но был глубже технологически и благотворнее для населения страны. Экономический рост, хотя и замедлился по сравнению с довоенными годами, оставался устойчивым и динамичным. Его темпы в 1950-60-х гг. составляли 7-10% (6-8% с учетом скрытого удорожания продукции) за год, заметно превышая соответствующие показатели большинства развитых стран Запада¹⁴. По утверждению Г. Ханина, автора в свое время нашумевшей статьи «Лукавая цифра», в 1950-е гг. советская экономика переживала подлинный расцвет. За счет роста производительности труда обеспечивалось 80% прироста ВВП, что было значительно выше, чем в Великобритании и США. По потреблению основных продуктов питания и продолжительности жизни населения СССР достиг уровня развитых стран мира. Расходы бюджета на просвещение и здравоохранение за эти годы выросли вдвое. В военном, научном и экономическом отношении СССР стал супердержавой, уступавшей только США¹⁵. Одной из самых успешных для экономики страны стала восьмая пятилетка (1965–1970 гг.), когда объем промышленного производства вырос в 1,5 раза, а производительность труда – на 1/3¹⁶.

¹⁴ Белоусов А.: Становление советской индустриальной системы // Россия. XXI в. 2000. № 3. С. 29.

¹⁵ Ханин Г.: Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль XXI в. 2002. № 5. С. 74–78.

¹⁶ Судьба реформ и реформаторов в России. С. 328–329..

Послевоенная модернизация сохранила культ тяжелой промышленности, в структуре которой преобладали добывающие отрасли. Вместе с тем, эти годы отмечены крупными достижениями научно-технического прогресса. Беспрецедентные мировые достижения были получены в области атомной энергии, ракетно-космической техники, электроэнергетики, машиностроения и в других отраслях экономики. СССР стал одной из двух стран мира (наряду с США), способных производить любой вид промышленной продукции, доступный в данное время человечеству. Тем самым было преодолено стадильное отставание России от передовых индустриально развитых стран. В 1960 г. доля СССР в мировом промышленном производстве достигала 20%, он входил в число мировых индустриальных гигантов, занимая передовые места по многим показателям.

Такие успехи объясняются довоенным импульсом «большого скачка» в индустриальном развитии, новыми задачами, вставшими перед страной в условиях послевоенного мира, накопленным опытом промышленного строительства, возросшим уровнем развития науки и техники, энтузиазмом народа, победившего в кровавой схватке с фашизмом. Все это имело судьбоносное значение на попроще «холодной войны», обеспечения безопасности Отечества и перехода державы к завершению позднеиндустриальной модернизации.

По прежнему менее оптимистично выглядела вторая сторона модернизации – аграрная. После окончания Отечественной войны и до середины 50-х гг. урожай зерна был ниже уровня 1913 г., производство мяса едва превышало дореволюционные показатели, тогда как численность населения в городах выросла на 40 млн чел. На уровне 1958 г. 53% прироста мяса, 35–38% картофеля, овощей, молока, 87% яиц в стране обеспечивали личные подсобные хозяйства¹⁷. Это свидетельствует о том, что в аграрном отношении страна недалеко ушла от традиционного общества. В 80-х гг. доля занятых в сельском хозяйстве СССР достигала 20%, тогда как в США только 3%. Между тем, удельный вес сельского хозяйства в валовом национальном продукте

¹⁷ Судьба реформ и реформаторов в России. С. 298–299.

СССР составлял 2%, а в США – 17%¹⁸. Такая ситуация была порождена разорением российской деревни индустриализацией и опустошением коллективизацией. Село неуклонно деградировало, что практически на нет сводило успехи модернизационного перехода.

Апогей наступил в середине 80-х гг., когда закупки хлеба внутри страны составили лишь 56 млн т, тогда как его поставка из-за рубежа достигла 44 млн т¹⁹. О какой продовольственной безопасности в таком случае могла идти речь? Опасаясь хлебных бунтов, советское правительство установило фиксированные цены на хлеб и тратило огромные валютные ресурсы на обеспечение бесперебойного снабжения продуктами питания городского населения. За 1974–1984 гг. только нефти и нефтепродуктов было отправлено за границу на 176 млрд долларов. Кроме того, ежегодно продавалось не менее 200 т золота²⁰. После того как администрация Рейгана добилась резкого понижения мировых цен на нефть и золото, Советский Союз оказался в очень тяжелом положении. Пришлось брать хлеб в кредит. В результате страна попала не только в должники, но и в заложники западного капитала. Вследствие растущей финансовой зависимости М.С. Горбачев вынужден был идти на постоянные политические уступки Западу, что в конце концов привело к гибели Советского Союза. Конечно, здесь были и другие причины, но эта стала одной из главных.

Под влиянием модернизации происходили значительные изменения в социально-демографической сфере. В 1960 г. произошло выравнивание численности городского и сельского населения СССР. К концу века по сравнению с его началом доля населения занятого в сельском хозяйстве, сократилась с 80 до 20%. Состоялся скачок в качестве жизни. За 1950-60-е гг. среднедушевое потребление това-

¹⁸ Вишневский А.Г.: Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. 1998. С. 62.

¹⁹ Народное хозяйство СССР в 1990 году. Статистический ежегодник. М., 1991. С. 693.

²⁰ Платонов О.А.: Терновый венец России. История русского народа в XX в. М., 1998. Т. II. С. 394.

ров возросло почти в 3 раза и достигло уровня, сопоставимого со стандартами среднеразвитых стран мира. Принципиально изменился рацион питания. Если в ходе довоенной модернизации при четырехкратном росте объемов промышленной продукции на душу населения производство мяса и молока снизилось соответственно на 24% и на 14%, а калорийность питания оказалась ниже уровня 1913 г., не обеспечивая медицинских норм, то за 1950-60-е годы душевое потребление качественных видов продовольствия (мясо, молоко, рыба) возросло почти вдвое, достигнув устойчивого обеспечения физиологических потребностей человека. Развертывание массового жилищного строительства позволило снизить критическую остроту жилищной проблемы. Городское население в основном переместилось из подвалов и бараков в индивидуальные квартиры. Число людей, получивших новое жилье в 1951–1960-е гг. составило 84,6 млн чел. (41%) населения, в 1966–1970 гг. – 109,5 млн чел. (46%)²¹.

Улучшение питания, жилищных условий, медицинского обслуживания, привело к резкому повышению продолжительности жизни. В 1950-е гг. она увеличивалась в среднем на один год за год и к началу 1960-х гг. достигла 70 лет, что соответствовало уровню высокоразвитых стран, тогда как в начале века составляла 32 года. Советская модель благосостояния в эти годы ориентировалась на обеспечение первичных потребностей населения при невысоком уровне потребления, относительно низкую дифференциацию доходов и высокую степень охвата населения социальными услугами преимущественно за счет государства. По советским меркам это были хорошие показатели, но они сильно уступали ведущим западным странам, которые завершили свою модернизацию значительно раньше.

Однако обольщаться этими безусловно впечатляющими результатами не приходится. Оставалось множество нерешенных проблем народного благосостояния. Хотя по сравнению с 30-ми годами уровню жизни населения уделялось все более внимание, он все-таки

²¹ Ханин Г.: Десятилетие триумфа советской экономики // Свободная мысль ХХI в. 2002. № 5. С. 30–31.

оставался невысок. По признанию М.С. Горбачева в СССР только 6–8% производственных фондов работало на «товары народного потребления», отсюда всеохватывающий товарный дефицит. По оценке А.Г. Вишневого в послевоенный период среднегодовые темпы роста реальных доходов населения неуклонно падали: 6,55% – пятидесятые годы, 4,7% – в шестидесятые, 3,4% – во второй половине семидесятых, 1,85% – в первой половине восьмидесятых²². С этими показателями трудно спорить, но видимо необходимо учитывать большую разницу между абсолютными цифрами 50-х и 80-х гг., в контексте неизмеримо выросшего ВВП страны и конкретного наполнения этих процентов.

Постепенно, начиная со второй половины 1950-х гг., в экономике СССР стали нарастать трудности, связанные с демонтажом командной системы и непомерным ростом военных расходов, что трансформировало советскую модель модернизации. Более того, в мире начинался переход к постиндустриальному обществу, а советские лидеры не учли этого, сохранили старую структуру экономики. С начала 70-х гг. отмечалось падение ее основных показателей. Темпы прироста национального дохода за три последние советские пятилетки снизились более чем вдвое. Если прирост продукции промышленности в восьмой пятилетке достигал 8,5%, то в одиннадцатой только 3,7%. Среднегодовые темпы роста производительности труда снизились более чем вдвое²³. В 1983 г. производительность труда в СССР составила 38% от американской²⁴. Качество выпускаемой продукции перестало соответствовать мировому уровню.

Упали темпы технического прогресса. Современные машины и оборудование пришлось покупать за рубежом. С 1970 по 1985 гг. их стоимость в импорте СССР выросла в 7 раз, а доля импорта в то-

²² Вишневский А.Г.: Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. 1998. С. 69.

²³ Судьбы и реформы в России. С. 331–332.

²⁴ Вишневский А.Г.: Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. 1998. С. 68.

варообороте поднялась с 9,1 до 15%. На уровне 1985 г. главными статьями экспорта были топливно-энергетические ресурсы, руды, металлы, химические удобрения, лесоматериалы. Тогда в обмен на машины и хлеб уходило 20% добытых в стране нефти и газа, 14% железной и хромовой руды, 31% калийных удобрений²⁵.

Другим негативным следствием модернизации и нарастающих трудностей СССР стал структурный перекоп в сторону развития промышленности, что было обусловлено в значительной степени внешней угрозой. Во второй половине XX в. она в первую очередь ассоциировалась с США и их союзниками. Историческое противостояние двух сверхдержав породило горы оружия, производство которого базировалось на достижениях модернизации и пожирало львиную долю ее выдающихся свершений. Военно-промышленный комплекс (ВПК) СССР, стержнем которого было ядерное оружие и средства его доставки, в 1980-е гг. использовал 20-25% валового национального продукта. Третья часть занятых в добывающих и обрабатывающих отраслях работала непосредственно на военные нужды²⁶. Расходы на оборону выросли с 16,2 млрд руб. в 1950 г. до 51,3 млрд руб. в 1970 г. (в сопоставимых ценах). Численность занятых в ВПК увеличилась с 1135 тыс. чел. в 1946 г. до 2850 тыс. чел. в 1965 гг.²⁷

В результате такого напряжения сил СССР удалось добиться стратегического паритета с США. Если в 1945 г. США имели 6 атомных боезарядов, а СССР ни одного, то в 1978 г. у СССР было 25 393, а у США 24 424 боезарядов с соответствующими средствами доставки²⁸. Паритет принципиально важен, но нужен ли он на таком высоком уровне? По всей вероятности, той и другой стороне достаточно было применить хотя бы десятую часть своих боеголовок, чтобы

²⁵ Вишневский А.Г.: Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. 1998. С. 60–61.

²⁶ Вишневский А.Г.: Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М. 1998. С. 63.

²⁷ Белоусов А.: Становление советской индустриальной системы // Россия. XXI в. 2000. № 3. С. 49.

²⁸ Советская военная мощь от Сталина до Горбачева. М. 1999. С. 167.

уничтожить все живое на планете. Гонка за лидером привела Россию к разорению.

Попытка преодоления трудностей СССР была предпринята в середине 80-х гг. М. Горбачевым. Его стратегия перестройки предполагала ускорение социально-экономического развития страны, что требовало завершения модернизации и ускорившееся отставание от западного мира. Программа перестройки первоначально строилась по принципу: больше социализма, больше демократии, но вскоре от социализма отказались и сосредоточились на демократии. Хуже того, политика отодвинула на задний план экономику. Между тем, по нашему глубокому убеждению не «революции локомотивы истории» и не разница в 5 или 7% присутствия той или иной партии в парламенте определяют прогресс общества, а своевременная смена технологического способа производства. В то время как передовые страны осваивали шестой технико-экономический уклад, СССР «застрял» на четвертом–пятом. Советская индустрия не выдерживала западной конкуренции, преобладали отрасли сырьевой ориентации. Страна сидела на «нефтегазовой игле», и два десятка политических партий вместе с тремя сотнями общественных объединений ничего не могли с этим поделать.

Горбачевская перестройка провалилась, приведя экономику страны к катастрофе, а Советский Союз к распаду. Его остатки с начала 1992 г. приступили к либеральным реформам. Они предусматривали переход на свободные (рыночные) цены и тарифы, отмену ограничений на заработную плату, разрешение всем предприятиям осуществлять внешнеэкономическую деятельность, приватизацию государственной собственности, привлечение в российскую экономику иностранных инвестиций. Это привело к неконтролируемому росту цен, резкому снижению уровня жизни, потере сбережений трудящихся и другим потрясениям. Наиболее негативно рыночные реформы сказались на индустрии, обороноспособности страны, науке и культуре, здравоохранении, всей социальной сфере. Шла бесконечная модернизация политического пространства, но это не компенсировало нерешенность других неотложных проблем страны.

Непоправимый удар либеральные реформы нанесли по обрабатывающей промышленности, техническому прогрессу, взаимодействию города и деревни, особенно малых городов и деревень, демографическим процессам, когда умирало ежегодно по миллиону человек, резко сократилась продолжительность жизни – меньше 60 лет у мужчин, и немного больше у женщин. По официальным данным погибла половина промышленного потенциала страны. Тем самым была утрачена большая часть достижений модернизации XX в. Она фактически остановилась. Конечно, среди потерь были экономически неэффективные предприятия с устаревшей техникой, исчерпавшие себя социальные завоевания, иждивенчество государственных структур и частных граждан, другие отжившие элементы начального этапа модернизации, но эта цена оказалась неоправданно высокой и не способствующей завершению модернизационного перехода.

Особенно тяжелое положение сложилось в аграрном секторе экономики. Либеральные реформы делали ставку на фермерство, которое должно было решить проблемы сельского хозяйства, но его состояние наоборот ухудшилось. Валовой сбор зерна за 1993–1996 гг. сократился с 99,1 млн до 59,3 млн т, а поголовье крупного рогатого скота уменьшилось с 52,2 млн до 35,8 млн голов. Ограниченность государственных инвестиций в сочетании с высокой ценой нефтепродуктов, удобрений, сельскохозяйственных машин, высокие темпы инфляции и другие беды новой экономики окончательно разорили село²⁹.

В стране появился новый класс собственников, в руках которого оказались громадные ресурсы, созданные трудом предшествующих поколений. Львиная доля особо ценных активов досталась олигархам в их бесконтрольное, а то и паразитическое пользование, что привело к высокой напряженности в обществе. Такое положение никак не способствовало завершению модернизации, наоборот, отбросило страну далеко назад.

²⁹ Судьба реформ и реформаторов в России. С. 367.

Триумф и трагедия модернизационной динамики России вылились в фарс после распада Советского Союза и перехода к либеральным реформам. Возобладал поспешный курс на постиндустриальное общество, что привело к демодернизации, гибели половины индустриального потенциала страны. Ее удельный вес в мировом промышленном производстве упал с 9,1% в 1900 г. до 4,4% в 2000 г.³⁰ Теперь трудно понять, где она находится – в доиндустриальном или постиндустриальном мире?

Кризис Российской цивилизации на этапе позднеиндустриальной модернизации связан с общим кризисом индустриализма. Если западные державы сделали из этого своевременные выводы, то советская элита, как и предшествующая ей имперская и последующая постсоветская, преследуя свои интересы, заикливались одни – на монархизме, другие – на социализме, как антиподе капитализма, а третьи – на либерализме, не реагируя на то, что постиндустриализм есть отрицание как социализма, так и капитализма. Попытка «нового мышления» М.С. Горбачева не исправила ситуацию, а наоборот, привела к коллапсу цивилизации.

Таким образом, вербальная модель революционной модернизации XX в. представляла собой серию мобилизационных акций, направленных на оперативное превращение страны из аграрной в индустриальную, используя все материальные и духовные ресурсы нации с целью укрепления обороноспособности государства и консолидации общества под лозунгом социализма, что обеспечило ценной огромных жертв модернизационный переход, но не гарантировало окончательную победу социализма.

³⁰ Кузык Б.Н.: Россия в цивилизационном измерении: фундаментальные основы стратегии инновационного развития. М. 2008. С. 273.